

Глобальный стасис как партийная система,

или Добро пожаловать на Первую мировую
гражданскую войну

Святослав Каспэ

С.И. Каспэ – доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Полития».

DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-97-130

Для человечества, принявшего идею равенства всех людей, всегда и повсюду, любая война становится гражданской войной.

Ойген Розеншток-Хюсси, 1938 год

Предлагаемое рассуждение устроено как серия последовательных импликаций, то есть логических связок «если... то...». Каждую из них можно и нужно проверять на прочность, критиковать, уточнять и опровергать. Однако *если* признать их основательными, *то* заключительный вывод придётся признать основательным тоже. *Если* он окажется малоприятным, *то...* ничего не поделаешь.

Отправная точка рассуждения – тезис Майкла Хардта и Антонио Негри: «Сегодня по всему миру вспыхивают бесчисленные вооружённые конфликты, иногда краткие и ограниченные определённым местом действия, а порой – длительные и захватывающие всё более обширные пространства. Такие конфликты, вероятно, точнее всего воспринимать как случаи не войны вообще, а войны *гражданской*»¹.

¹ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. С. 13.

Они спорят с Джорджо Агамбеном, (якобы) заявившим, что выражение «глобальная гражданская война» присутствовало ещё в работах Ханны Арендт и Карла Шмитта «О революции» и «Теория партизана» соответственно, по случайному (или нет?) совпадению опубликованных в одном и том же 1963 г.: «...в то время гражданская война была “мировой”, но ещё не “глобальной”. В сущности, эти авторы мыслили в категориях гражданской войны между капиталистическим и социалистическим миром, которая носила форму противостояния Советского Союза сначала со странами Западной Европы (включая фашистские государства), а затем и с Соединёнными Штатами»². Разногласие мнимое. Да, слова “*global civil war*” есть в английском переводе «Чрезвычайного положения»³, но в итальянском оригинале на этом месте значится «мировая гражданская война», “*guerra civile mondiale*”⁴, что совсем не одно и то же. Между прочим, русский перевод, выполненный с итальянского оригинала, безошибочен: «гражданская война в мировом масштабе»⁵. Арендт называла «своего рода гражданской войной, охватившей всю землю»⁶ только Вторую мировую войну, к борьбе капитализма и социализма никак не сводимую, причём эпитета “*global*” вовсе не употребляя. Что до Шмитта, тут та же история, что с Агамбеном. Словосочетание “*global civil war*” использовано в английском переводе «Теории партизана»⁷ вместо немецкого “*Weltbürgerkrieges*”, то есть опять-таки «мировой гражданской войны», или «всемирной», как в русском переводе⁸, начало которой Шмитт связывает ещё с русской революцией 1917 г. (зато действительно с «революционной классовой враждой» и только с ней).

² Там же. С. 433.

³ Agamben G. State of Exception. Translated from Italian by K. Atell. Chicago: The University of Chicago Press, 2005. P. 3.

⁴ Agamben G. Homo sacer. Stato di eccezione. Torino: Bollati Boringhieri, 2003. P. 4.

⁵ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение / Пер. с итал. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Европа, 2011. С. 10.

⁶ Арендт Х. О революции / Пер. с англ. И. Косича. М.: Европа, 2011. С. 14.

⁷ Schmitt C. Theory of the Partisan: Intermediate Commentary on the Concept of the Political. Translated from German by G.L. Ulmen. N.Y.: Telos Press Publishing, 2007. P. 95.

⁸ Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М.: Практикс, 2007. С. 143.

Вся эта путаница оказалась полезна тем, что помогла Хардту и Негри ясно сформулировать главное отличие их собственных построений от более ранних, приблизительных, к тому же не полностью совпадающих друг с другом аналогов. И Шмитт, и Арендт исходили из реалий XX века. В XXI веке Хардт и Негри предлагают считать гражданской войной не какой-то отдельно взятый конфликт, хоть бы и грандиозный. Гражданская война только одна; её фронты и сражения – все современные конфликты без исключения, независимо от их причин, содержания и пространственно-временных масштабов. Более того, само различие состояний мира и войны в условиях состоявшейся глобализации утрачивает смысл, причём в результате асимметричного смещения, а не равномерного смешения: не столько война становится похожей на мир, сколько мир – похожим на войну. «Поскольку сходит на нет локальный и временный характер боевых действий, который был присущ ограниченным конфликтам между суверенными государствами, война, как видно, просочилась обратно и затопила всю общественную сферу»⁹. Чего и следовало ожидать; ведь речь идёт об одном из аспектов более широкого процесса: «политическое в глобальном столетии не вымерло, но переселилось... Мировая политика превратилась во внутреннюю мировую политику»¹⁰. Если верен общий диагноз, то верно и следствие – какая политика, такая и война. Потому что *война есть квинтэссенция политического*.

Однако предложенное Хардтом и Негри определение гражданской войны (даже не предложенное, а поданное как само собой разумеющееся, не подлежащее обсуждению) сомнительно. «Вооружённый конфликт между суверенными и/или несuverенными комбатантами в пределах единой суверенной территории»¹¹. Под это

⁹ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 18.

¹⁰ Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. С. 329.

¹¹ Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. L.: Hamish Hamilton, 2004. P. 3. Перевод, предложенный в русском издании, неудовлетворителен. «Гражданская война – это вооружённый конфликт между суверенной властью и/или не обладающими суверенными правами повстанцами в пределах территории некоего суверенного государства» (см.: Хардт М., Негри А. Указ соч. С. 13). В оригинале между тем написано: «armed conflict between sovereign and/or nonsovereign combatants within a single sovereign territory». Легко видеть, что ни слова «власть», ни, что ещё важнее, слова «государство» здесь нет. В ситуации гражданской войны и то, и другое в хоть сколько-нибудь различимом виде может попросту отсутствовать.

определение не подходят такие кейсы, как, например, римские гражданские войны (хотя именно они подтолкнули Марка Аннея Лукана (39–65), автора эпической поэмы “*Bellum civile sive Pharsalia*”, к изобретению самой формулы «гражданская война») или российская Гражданская война 1917–1922 годов. В первом случае – потому что понятие суверенитета рождается только в начале Нового времени и неприменимо к более ранним реалиям. Во втором – потому что не только о каком-либо суверенитете (и о ком бы то ни было как о его признанном носителе), но и о «единой суверенной территории» как чётко очерченной арене военных действий (кстати, как территория, будучи географическим понятием, может быть суверенна сама по себе?) тогда, в условиях почти полной деградации, уничтожения и распада прежнего политического единства, не было и речи.

Конкурирующих определений гражданской войны много¹². Вникать в специализированные дискуссии для целей настоящего рассуждения не обязательно; вместо этого можно ограничиться определением простейшим, экономным, интуитивно понятным, буквалистским и потому соответствующим здравому смыслу, что всегда полезно. Гражданская война – это война, ведущаяся (хотя бы с одной стороны и независимо от общего количества таких сторон) гражданами. Не рабами, не подданными, не родами, племенами, кланами и кликами, не разбойничьими бандами, в конце концов, а гражданами.

Вопрос о том, что, собственно, такое гражданство и чем оно отличается от других политически референтных видов и подвидов солидарности, ещё более запутан (потому что более глубок), чем вопрос о природе гражданской войны¹³. Пусть бритва Оккама

¹² См., например: Mack A. Civil War: Academic Research and the Policy Community // Journal of Peace Research. 2002. Vol. 39. No. 5. P. 515–525; Sambanis N. What Is Civil War? Conceptual and Empirical Complexities of an Operational Definition // The Journal of Conflict Resolution. 2004. Vol. 48. No. 6. P. 814–858; Kalyvas S.N. Civil Wars. In: C. Boix, S.C. Stokes (Eds.), Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 416–434; Cederman L.-E., Vogt M. Dynamics and Logics of Civil War // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 61. No. 9. P. 1992–2016; Florea A. Theories of Civil War Onset: Promises and Pitfalls. In: W. Thompson (Ed.), The Oxford Encyclopedia of Empirical International Relations Theory. Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.325

¹³ Даже общие, обзорные работы могут быть перечислены лишь выборочно: Turner B.S. Citizenship and Social Theory. L.: SAGE Publications, 1993. 194 p.; Shafir G. (Ed.) The Citizenship Debates: A Reader. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 316 p.; Heater D. A Brief History of Citizenship. N.Y.: New York University Press, 2004. 155 p.; Bellamy R. Citizenship: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 152 p.

поработает ещё раз. Гражданин – это тот, кто связан с неким политическим образованием двусторонними отношениями обоюдной ответственности, включающими некоторые права и некоторые обязательства. Всё остальное вариативно, и в очень широких пределах. Такие отношения могут быть более или менее симметричными, более или менее конкретизированными в обычае, морали и юридических нормах, более или менее аскриптивными либо добровольно принятыми, более или менее интериоризованными либо экстериоризованными. Само политическое образование может иметь или не иметь форму государства (известны и другие политические формы), равно как и точно очерченную территорию. Оно может существовать здесь и сейчас, или в прошлом (как правило, относительно недавнем), или в ещё только чаемом будущем. Принципиальное значение имеет только двусторонний характер связи между *человеческим* и *политическим*, тем самым побуждающий граждан к политическим взаимодействиям как между собой, так и с действующей властью (точнее, властями предржащими), а этих последних – к политическим взаимодействиям с гражданами. И те, и другие взаимодействия выражаются в перераспределении властных ресурсов (также разнообразных) или в недопущении такого перераспределения. Цели и интенсивность таких взаимодействий, участники которых считают своим правом и долгом в них вступать, опять-таки широко варьируются, бывая как вполне созидательными, так и вполне разрушительными, как ненасильственными, так и насильственными *etc.*

Тогда что может означать распространяющееся всё шире ощущение, будто весь мир, по сути, охвачен одной и той же глобальной гражданской войной? Мечтающееся некоторым уже не первый век мировое гражданство¹⁴ как опорная конструкция космополитического *космополиса* так и не возникло ни *de facto*, ни тем более *de jure*. Мирового гражданского общества тоже нет – только некоторые его зачатки, однако их институциональное и ресурсное

¹⁴ См.: Heater D. World Citizenship and Government: Cosmopolitan Ideas in the History of Western Political Thought. N.Y.: St. Martin's Press, 1996. 259 p.; Carter A. The Political Theory of Global Citizenship. N.Y.: Routledge, 2001. 277 p.; Isin E.F., Nyers P. Routledge Handbook of Global Citizenship Studies. N.Y.: Routledge, 2014. 644 p.; Reysen S., Katzarska-Miller I. The Psychology of Global Citizenship: A Review of Theory and Research. Lanham, Boulder, N.Y., L.: Lexington Books, 2018. 200 p.

обеспечение настолько слабо, что всерьёз конкурировать с государствами они не способны¹⁵. Но, похоже, возникло нечто другое: *мировая гражданственность*, то есть интериоризованная часть гражданства, опять-таки в очень разной степени рефлекслируемая и рационализируемая, представляющая собой контингентный конгломерат представлений, эмоций и соображений, но всё чаще мотивирующая политическое действие.

Именно поэтому теперь любой конфликт, особенно в фазе вооружённого насилия, рассматривается и его непосредственными участниками, и стейкхолдерами (круг которых раз за разом оказывается неожиданно широк, всё менее завися от географической, исторической и культурной дистанции от арены основных событий) как затрагивающий – подрывающий, укрепляющий или меняющий – мироустройство в целом, а иногда и самые его основы, будь то законы или правила. Каждое его содрогание отзывается во всём мире – и рикошетом возвращается к тем, кто содрогание учинил, часто вопреки их ожиданиям и намерениям. Никто, даже Северная Корея, не может вовсе игнорировать других, разве что коренные жители Андаманских островов (да и тем удаётся лишь постольку, поскольку позволяется). Любые войны, и идущие давно, и только начинающиеся, вплетаются в контекст глобальной гражданской войны – потому что всем, причём и элитам, и массам, есть дело до всего. И это *гражданское* дело.

Если так, то различие войн «внутренних» и «внешних», уже давно зыбкое (по подсчётам Патрика Ригана, около двух третей гражданских войн, имевших место между 1945 и 2000 гг., сопровождалось внешним вмешательством¹⁶, а дальше этот показатель только рос), окончательно утрачивает смысл. Но дело не сводится к неограниченному (буквально) увеличению размеров шахматной доски войны, а также количества (в том числе количества цветов) участвующих в игре фигур. Размывается другое, более глубокое различие – модусов самой войны, проведённое ещё древними греками, но в последние полвека вспоминаемое всё чаще. Речь идёт о несопадающей семантике терминов «полемос» (πόλεμος) и «ста-

¹⁵ Kaspe S. Life, Death, and the State // Russia in Global Affairs. 2021. Vol. 19. No. 3. P. 178.

¹⁶ Regan P. Civil Wars and Foreign Powers: Outside Intervention in Intrastate Conflict. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2000. 172 p.

сис» (στάσις)¹⁷. Оба они обычно переводятся как «война», после чего их принимают за эквивалентные, и во многих контекстах это вполне допустимо. Но не в том, где применительно к войнам в качестве аналитического инструмента используется дихотомия «внутреннего» и «внешнего». Греки думали, говорили и писали вовсе не о «внутригосударственных» и «межгосударственных» конфликтах – хотя бы потому, что не имели никакого представления о государстве как политической форме. Греки не в государствах жили, а в полисах.

На первый взгляд всё просто. Стасис – распря, раздор, смута. Он разделяет граждан полиса на враждебные группировки и сталкивает их в смертельной схватке. Естественно, он воспринимается и описывается во множестве источников как страшнейшее зло, угрожающее самому существованию солидарного политического сообщества¹⁸. Тут, правда, есть парадокс: в тех же источниках слово «стасис» нередко означает политическую стабильность, устойчивость, равновесие или, по крайней мере, способ их достижения и поддержания. Этому парадоксу¹⁹ есть объяснения, и даже не одно. Агамбен, опираясь на книгу Николь Лоро «Разделённый город»²⁰, но прежде всего на её же малоизвестную и труднодоступную статью 1987 г. «Война в семье», в книгу почему-то не вошедшую, резюмирует её мысль о стасисе так:

¹⁷ Впервые темы стасиса я коснулся в статье «“Любовь во время войны”: против автономии политического» (см.: Каспэ С.И. «Любовь во время войны»: против автономии политического // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 7. No. 1. С. 13–61). Когда публикуемая сейчас работа о глобальном стасисе уже была в основном написана, в журнале «Социологическое обозрение» состоялась публикация текста Владимира Бродского (см.: Бродский В.И. Война во время любви: размышление над статьей С.И. Каспэ в свете различия частной и публичной вражды в учении Карла Шмитта // *Социологическое обозрение*. Т. 22. No. 3. С. 147–171). Это блистательное, многоплановое исследование, обладающее самостоятельной ценностью. Его значение далеко выходит за пределы реакции на мои рассуждения. К сожалению, должным образом поддержать дискуссию я уже не успевал. Да и нужно ли это? Бродский пишет: «Реагируя на аргумент Каспэ, автор делает попытку предположить, как на него мог бы ответить один из главных «анти/героев» “Любви во время войны” – немецкий мыслитель Карл Шмитт». Никаких возражений; очень возможно и даже вероятно, что примерно так Шмитт и ответил бы.

¹⁸ См.: Lintott A. *Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City, 750–330 BC*. L., Canberra: Croom Helm, 1982. 289 p.; Finley M.I. *The Athenian Demagogues*. In: Finley M.I. *Democracy Ancient and Modern*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1985. P. 38–75.

¹⁹ Вообще-то и не очень парадоксальному: противостояние – это тоже стояние, то есть занятие и удержание определённых позиций, причём второе логически предшествует первому и является условием его возникновения.

²⁰ Лоро Н. *Разделённый город. Забвение в памяти Афин* / Пер. с франц. С. Ермакова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 360 с.

- «1) Прежде всего, *stasis* ставит под вопрос общее место, согласно которому греческая политика была решительным преодолением *oikos*²¹ в полисе.
- 2) *Stasis*, или гражданская война, по своей сути является “войной внутри семьи”, происходящей из *oikos*, а не откуда-то извне. Именно потому, что она соприродна семье, *stasis* функционирует в качестве её проявителя, она свидетельствует о нестираемом присутствии семьи в полисе²².
- 3) *Oikos* сущностно амбивалентно: с одной стороны, оно является движущей силой разделения и конфликтов, с другой – это парадигма, позволяющая примириться тому, что было разделено»²³.

Сам Агамбен ещё больше усложняет дело: стасис «образует зону неразличимости между неполитическим пространством семьи и политическим пространством города. Пересекая этот порог, *oikos* политизируется, а *polis*, наоборот, “экономизируется”, то есть редуцируется к *oikos*. Это означает, что в системе греческой политики гражданская война функционирует как порог политизации или деполитизации, через который дом прорывается в город, а город деполитизируется в семье»²⁴. «Стасис функционирует как реагент, проявляющий политическую материю в экстремальном случае, как порог политизации, который сам определяет политический или неполитический характер того или иного сущего»²⁵. Любопытно, что стабилизирующая ипостась и функция стасиса здесь как-то затуманивается, отступает на второй план²⁶.

²¹ Семьи прежде всего как домохозяйства, то есть не только кровнородственной, но и социально-экономической единицы.

²² В переводе С. Ермакова учитывается, что в греческом языке слово «стасис» женского рода – как и, например, слово «кризис». Я не иду по этому пути, чтобы избежать способных вызвать ненужный комический эффект словесных конструкций вроде «город находится в состоянии стасисы и порождённой ею кризисы».

²³ Агамбен Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма / Пер. с итал. С. Ермакова. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 18.

²⁴ Там же. С. 24.

²⁵ Там же. С. 25–26.

²⁶ Мало внимания уделяется ей и в блестящей, ставшей одним из важнейших источников вдохновения для этого текста статье Артура Третьяка (см.: Третьяк А.Р. *Stasis* и политическая философия современной войны // Полития. 2023. No. 3. С. 6–22). Третьяк пишет в ней о том же предмете, что и я; но в отличающемся ракурсе и с иным фокусом, отчего и рассуждение его ведёт в другую точку. Сам тот факт, что проблематика стасиса в последнее время выходит в политических исследованиях на первый план, весьма показателен.

Другое объяснение (не альтернативное, просто другое, но более удобопонятное, потому что выраженное на более конвенциональном для социальных наук языке) предложено Моше Берентом: в условиях «относительно эгалитарного, не стратифицированного сообщества, в котором отсутствуют аппараты принуждения, то есть использование насилия не монополизировано каким-либо учреждением или правящим классом, способность применить силу более или менее равномерно распределена среди вооружённого или способного вооружиться населения. Страх *stasis* прямо связан с отсутствием публичных инструментов, пригодных для обуздания подрывной, крамольной партии. *Stasis* осуждали; но не элиминировали напрочь, потому что единственным способом сдержать такую партию было противопоставить ей другую. Следовательно, *stasis* оказывался полулегальным средством конституционных реформ (*metabole politeias*)»²⁷, а также, очевидно, и поддержания политической стабильности в более рутинном режиме.

Однако в стасисе есть ещё один парадокс, гораздо реже привлекающий внимание исследователей. Это понятие – не всегда, но нередко – применялось греками не только к внутривоисным, но и к межвоисным конфликтам. Особенно подробно и отчётливо такая установка выражена Платоном²⁸: «...есть два названия – война и раздор. Это два разных проявления, зависящих от двух видов разногласий. Двумя я считаю их вот почему: одно – среди своих и близких, другое – с чужими, с иноземцами. Вражда между своими была названа раздором, а с чужими – войной <...> Я утверждаю, что все эллины – близкие друг другу люди и состоят между собою в родстве, а для варваров они – иноземцы и чужаки <...> если эллины сражаются с варварами, а варвары с эллинами, мы скажем, что они воюют, что они по самой своей природе враги и эту их вражду надо называть войной. Когда же нечто подобное происходит между эллинами, надо сказать, что по природе своей

²⁷ Berent M. “Stasis”, Or the Greek Invention of Politics // History of Political Thought. 1998. Vol. 19. No. 3. P. 333. См. также: Berent M. Anthropology and the Classics: War, Violence, and the Stateless Polis // The Classical Quarterly. 2000. Vol. 50. No. 1. P. 257–289.

²⁸ «Война» и «раздор» в классическом переводе Андрея Егунова – πόλεμος и στάσις соответственно.

они друзья, но Эллада в этом случае больна и в ней царит междоусобица, и такую вражду следует именовать раздором»²⁹.

Более того, чуть выше и чуть ниже Платон описывает серьёзные ограничения, которым в силу вышеизложенного подлежит межполисный стасис: «нашим гражданам нельзя иметь рабом эллина и другим эллинам надо советовать то же самое <...> надо отказаться от ограбления мёртвых и не препятствовать уборке трупов <...> мы будем опасаться осквернить святилища, принеся вещи, отнятые у наших родичей <...> Своих противников они будут благожелательно вразумлять, не порабощая их в наказание и не доводя до гибели <...> они не станут опустошать Элладу или поджигать там дома; они не согласятся считать в том или ином государстве своими врагами всех – и мужчин, и женщин, и детей, а будут считать ими лишь немногих – виновников распри <...> расприю они будут продолжать лишь до тех пор, пока те, кто невинно страдает, не заставят её виновников наконец понести кару»³⁰.

Разумеется, Платон, как это ему свойственно, описывает здесь не наблюдаемое, а идеальное положение вещей, и «наши граждане» суть граждане воображаемого города, идеальные, весьма отличающиеся от настоящих греков из плоти и крови. Он хорошо отдаёт себе отчёт в зазоре между должным и сущим: «наши граждане должны относиться к своим противникам именно таким образом, а к варварам – так, как теперь относятся друг к другу эллины»³¹. Но трудно предположить, чтобы его проект был полностью, исключительно спекулятивен, вымыслен, умозрительен, что он не имел никаких оснований, опор, отправных точек в греческом социальном и политическом праксисе (примечательно, что идеальный город мыслится Платоном как эллинский и только эллинский, а не составленный из каких-то абстрактных человеческих существ без роду и племени). В этом своём проективном представлении, как и в других, Платон конструирует должное из подручного материала, оспаривая сущее и отталкиваясь от него, но отнюдь не игнорируя (некоторые подтверждения тому, что платоновский образ межполисного стасиса не был ни вовсе беспочвенным, ни вовсе бесплод-

²⁹ Πολιτεία. 470b, 470c.

³⁰ Ibid. 469c, 471a, 471b.

³¹ Ibid. 471b.

ным, что он был извлечён из реальных практик и в них же находил не единичные отклики, собрал Эмилиано Буис³²).

Таким образом, огонь стасиса пылал, то едва тлея, то разгораясь до небес, не только непосредственно в полисах (которых историки насчитали около 1500 – конечно, за всё время существования греческого мира, а не в какой-либо определённый момент), но и во всей Элладе как некоем... не сообществе, не целом, тем более не единстве, а гетерогенном, пронизанном напряжениями, амбициями, претензиями и конфликтами множестве, *multitude* – «открытой и расширяющейся сети, в которой все различия могут быть выражены свободно и равно»³³. Но каков был политический компонент той нежесткой связи, благодаря которой эта сеть вообще существовала? Факторы языка, религии, культуры, торговли очевидны, но они не дают исчерпывающего объяснения межполисному стасису как политическому состоянию.

Естественно, это та самая гражданственность – не отношение конкретного человека с конкретным полисом, а свойственный всем эллинам и эллинским полисам, неведомый и недоступный варварам (как диким племенам, так и вполне развитым деспотиям) тип такого отношения. Подразумевающий, как уже говорилось, двустороннюю ответственность человека и политического образования, тот или иной объём прав и обязанностей обеих сторон – а значит, определённую степень свободы первой стороны по отношению ко второй. Греки свободны, варвары – рабы³⁴; эта оппозиция настолько часто встречается в источниках, что в видах экономии места вполне можно обойтись без иллюстрирующих её примеров.

Полемос же, то есть война *stricto sensu*, жестокость которой не ограничена никакими рамками и нормами, где хороши все средства, ведущие к победе, – это, в идеале и идеальном типе, только война эллинских полисов (хоть одного, хоть в составе коалиции) с варварами, с чужаками, с Другими. Война граждан с негражда-

³² Buis E.J. *Taming Ares: War, Interstate Law, and Humanitarian Discourse in Classical Greece*. Leiden, Boston: Brill, 2018. P. 172.

³³ Hardt M., Negri A. *Op. cit.* P. 3. Имеющийся русский перевод здесь вновь неточен.

³⁴ Точнее, по выражению Еврипида, в деспотиях «свободен лишь один» (см.: Έλένη. 276).

нами, свободных с несвободными. Собственно, именно Полемос³⁵, согласно 29-му (53-му в нумерации Дильса-Кранца) фрагменту Гераклита, «одних творит рабами, других – свободными».

Однако преувеличивать жёсткость оппозиции «стасис – полемос» не стоит. Скажем, в некоторых текстах, в частности в раннем платоновском диалоге «Менексен», встречается формулировка οἰκεῖος πόλεμος³⁶, буквально «семейная» или «домашняя война». В переводах на современные языки на этом месте – просто «гражданская война», без нюансов и пояснений. Впрочем, Агамбен полагает, что Платон здесь выражается «иронически»³⁷, что в контексте диалога в целом выглядит вполне правдоподобно³⁸. Греки, и Платон в том числе, не столько противопоставляли, сколько, различая, тем не менее сопоставляли полемос и стасис, считая то и другое величайшими бедствиями. В «Законах» Платон делает это недвусмысленно, указывая, что идеал политического совершенства, пусть и отнесённый им, как положено, в невозвратимое прошлое, состоит в «совершенном исчезновении междоусобий и войн»³⁹.

Аналогия между древнегреческим и современным положением дел кажется убедительной – с той оговоркой, что сейчас совершенно чуждых, абсолютно Других варваров не осталось. Даже самые непримиримые враги существующего миропорядка вроде исламистских террористических сетей действуют не извне, а изнутри его, грезя о полном его упразднении и замене всемирным халифатом лишь в самой отдалённой перспективе, а пока лишь пытаются выгородить в нём какие-то собственные автономные зоны, причём без особого успеха. Полемос в чистом виде возможен (если не брать в расчёт тех же коренных жителей Андаманских островов) только между землянами *in toto* и инопланетянами или осознав-

³⁵ С прописной буквы, так как вообще-то в греческих мифах и литературе Полемос – имя одного из божков, или, скорее, демонов войны, самого из них беспощадного. Примечательно, что никакого его культа не было – о нём знали, но ему не поклонялись.

³⁶ Μενέξενος, 243e.

³⁷ Агамбен Дж. Stasis... С. 12.

³⁸ Не раз высказывалось предположение, что политической мысли Платона в целом вовсе не была свойственна та звериная серьёзность, которую ей веками приписывают последователи и интерпретаторы, что доля иронии в них достаточно велика. Для ученика Сократа это вполне вероятно.

³⁹ Νόμοι. 628c.

шим себя *Skynet*. Аналогию можно дополнительно укреплять – например, сопоставив гипотезу Лоро и Агамбена о происхождении стасиса из семьи или из зоны неразличимости между пространствами семьи и города с ещё недавно весьма распространённым дискурсом «семьи цивилизованных⁴⁰ народов». В последние годы он выходит из употребления и осуждается как колониалистский⁴¹, но «осадочек остался» – прежде всего у тех, кто так и не успел побывать признанным членом этой замечательной семьи, в лучшем случае только приёмным. Но зачем эта аналогия нужна, в чём её польза? Так ли важно, что внутренних и внешних войн больше нет, что стасис и полемос перепутались друг с другом?

Важно. Потому что обычно в этом смешении обращают внимание на его негативные последствия – на то, что стасис и полемос обмениваются худшими своими свойствами. Относительно умеренный (ощущением родственной или квазиродственной связи с противником) стасис приобретает черты необузданного в своей дегуманизирующей жестокости полемоса, ведущегося вне морали, без милости и чести. Полемос, вместо того чтобы остаться в пределах холодного, бесчеловечного, тем и страшного расчёта выгод и издержек, когда людские жизни выступают как всего лишь один из учитываемых и располагаемых ресурсов, получает особую страстность стасиса, присущую распре между «своими» (и особенно между бывшими «своими», разрывающими узы «семейной» созависимости). Всё это правда. Но не вся.

Контаминацию двух модусов войны не обязательно полагать только пагубной – мембрана бывает проницаема в обе стороны. Западная политическая традиция вырабатывала (с тех же греческих времён начиная) и выработала некоторые способы придания стасису ограниченного, управляемого и даже – при некотором везении и только в конечном счёте – направляемого к общему благу характера. *Если так, то* не применимы ли подобные способы в ситуации стасиса глобального?

⁴⁰ NB! От латинского слова «civis» – гражданин.

⁴¹ См.: Kleinschmidt H. The Family of Nations as an Element of the Ideology of Colonialism // Journal of the History of International Law. 2016. Vol. 18. No. 2. P. 278–316; Schabas W.A. “Civilized Nations” and the Colour Line. In: Schabas W.A. The International Legal Order’s Colour Line: Racism, Racial Discrimination, and the Making of International Law. N.Y.: Oxford Academic, 2023. DOI: 10.1093/oso/9780197744475.003.0001

Чтобы описать один из таких способов, необходимо вернуться чуть назад. Кто такие субъекты, акторы, стороны стасиса? Кто в нём противоборствует? Ба, да это же партии!

То, что представители политической науки почти поголовно считают политические партии, сам феномен партийности и партийных разделений принадлежащим исключительно эпохе модерна, не должно смущать. Эта установка может быть поставлена под сомнение даже в тех же дисциплинарных рамках. Кеннет Джанда, стремясь максимально приспособить различные определения партий к нуждам сравнительного анализа, ранжировал их от более узких к более широким и в конце концов предложил собственное: партия есть «организация, преследующая цель замещения правительственных должностей своими признанными представителями»⁴². Но слово «организация» недвусмысленно отсылает к веберовскому идеальному типу рациональной бюрократии – притом что устроенные таким образом партии встречаются довольно редко. Институционализация партии – процесс с вариативным, не гарантированным и часто довольно слабым результатом⁴³. Если так, если заменить слово «организация», например, словом «команда»⁴⁴, то партиями придётся признать и афинских демократов с аристократами, и римских популяров с оптиматами, и итальянских гвельфов с гибеллинами, и французских лигистов с гугенотами, и французских же фронтёров с мазаринистами, и английских «кавалеров» с «круглоголовыми» (с их собственными подразделениями), и английских же тори с вигами (тут, правда, сомнений нет уже ни у кого) *etc.* Историки ровно так и поступают, без оговорок и смущения описывая досовременные реалии при помощи слова «партия» (или “*faction*”, почти неизменно на протяжении веков, а нередко и сейчас выступающее его синонимом). Делают это и исследователи стасиса – Лоро, Агамбен, Берент (а также другие, здесь не упоминавшиеся).

⁴² Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория. В кн.: Г.В. Голосов, Л.А. Галкина (Ред.), Современная сравнительная политология. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. С. 92.

⁴³ Panebianco A. Political Parties: Organization and Power. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 318 p.

⁴⁴ Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper & Row, 1957. P. 25.

Важнее другое сужение определения, у Джанды отсутствующее: партии кардинально отличаются от всевозможных дворцовых и околосдворцовых камарилей (президенты, премьеры и диктаторы тоже обитают во дворцах), устраивающих интриги, комплоты и перевороты, однако стремящихся только к более или менее решительному пересмотру состава правящей элиты и к сопровождающему его перераспределению ресурсов – земель, богатств, титулов, должностей и прочих объектов вожделения. То же относится и к чисто династическим сварам вроде войны Алой и Белой розы. Потому что «обычное заблуждение современного социологизма – представлять себе партию как организацию, выражающую какие-то интересы. Любая партия – часть не только политического мира в узком смысле слова, но и общества в целом. В этом смысле она первична по отношению к любому интересу, в отстаивании которого её подозревают»⁴⁵. Ещё раз: партии суть именно и буквально *части (partes) общества*, но не любые, а в силу тех или иных причин имеющие и отстаивающие свои взгляды на власть и по поводу власти – именно путём «замещения правительственных должностей своими признанными представителями»⁴⁶. Это и позволяет им быть «одной из форм вертикальной организации общества и, в частности, одним из каналов вертикальной мобильности»⁴⁷, что, несомненно, относится ко всем перечисленным выше, а также многим иным случаям⁴⁸.

И само существование партий как акторов стасиса, и исходящая от них угроза политическому образованию веками воспри-

⁴⁵ Салмин А.М. Современная демократия: очерки становления и развития. М.: Форум, 2009. С. 255.

⁴⁶ Стоит попутно отметить, что такие части общества могут оформляться и в отсутствие формально-юридического института гражданства. Обязательным условием тут является гражданственность как дух, возникающий до (негарантированной, эвентуальной) институционализации гражданства и, собственно, являющийся её пререквизитом.

⁴⁷ Там же. С. 256.

⁴⁸ Более подробно этот взгляд на природу партий и сам феномен партийности изложен и обоснован здесь: Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007. С. 187–202; Его же. Политическая теология и *nation-building*: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. С. 84–97; Его же. Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданского просвещения, 2016. С. 155–159.

нимались как зло, в том числе и в начале эпохи модерна. Томас Гоббс: «Лиги подданных... в большинстве случаев не нужны государству... и скрывают в себе противозаконные цели. Они поэтому противозаконны и обычно считаются крамолой (*factions*) и заговором»⁴⁹. Дэвид Юм: партии – «сорняки», которые «подрывают систему правления, делают бессильными законы и порождают самую яростную вражду среди людей одной и той же нации», так что «дело редко кончается чем-либо иным, кроме полного распада той системы правления, при которой они были посеяны»⁵⁰. Генри Сент-Джон Болингброк (один из немногих, усматривавших какую-то разницу между *“party”* и *“faction”*, но только количественную и, прямо сказать, небольшую): «*Faction* относится к партии как превосходная степень к положительной: партия есть политическое зло, *faction* – худшая из всех партий»⁵¹. Джеймс Мэдисон в принадлежащем его перу десятом письме Федералиста: «Под партией... я разумею группу граждан... которые объединились и движимы либо общим побуждением страсти, либо интересом, который ущемляет права других граждан или постоянные и совокупные интересы всей общины»; отсюда та «мутная накипь, которой дух партийной склоки покрыл наши правительственные институты»⁵². Джордж Вашингтон, прощальное послание к нации 1796 г. – документ, который вообще следовало бы цитировать страницами, но приходится ограничиться только самыми выдающимися пассажами: «...любые альянсы и ассоциации, созданные под каким-либо уважительным предлогом, но с действительным намерением осуществлять руководство

⁴⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 184.

⁵⁰ Юм Д. О партиях вообще / Д. Юм // Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 512.

⁵¹ Bolingbroke H. The Idea of a Patriot King. In: The Works of the Late Right Honorable Henry St. John, Lord Viscount Bolingbroke. Vol. III. L.: David Mallet, 1754. P. 83.

⁵² Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи / Пер. с англ. Г. Фрейдина. N.Y.: Chalidze Publications, 1990. С. 66. Цитируется чрезвычайно редкий русский перевод «Федералиста», выполненный Григорием Фрейдиным. Потому что в самом распространенном его переводе (Марии Шерешевской) вместо слова *«faction»* везде значится «крамольное сообщество», что тоже по-своему верно, но для неискушённого читателя затуманивает смысл текста и суть обсуждаемой Мэдисоном угрозы. См.: Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / Пер. с англ. М. Шерешевской. М.: Весь мир, 2000. С. 78–86.

или контроль над конституционными властями, разрушительны... Они способствуют возникновению *faction*, приданию ей чрезвычайной роли, замене делегированной воли нации волей партии... Чередующееся преобладание одной *faction* над другой, обострённое естественным для партийных расколов чувством мстительности, которое в разные времена и в разных странах влекло за собой наиболее чудовищные преступления, само является ужасным деспотизмом. А в конечном счёте это ведёт к деспотизму ещё более прочному и постоянному. Нарастающие разброд и лишения склоняют людей к тому, чтобы искать защиты и покоя в наделении одного лица абсолютной властью, и рано или поздно глава победившей *faction*, более умелый или более удачливый, чем его соперники, использует такое положение вещей для своего собственного возвышения на руинах общественной свободы»⁵³. И Алексис де Токвиль: «Партии – это зло, свойственное демократическому правлению»⁵⁴... Великие партии потрясают общество, малые его будоражат; первые раздирают его на части, вторые его развращают»⁵⁵.

Вывод ясен. Партии и есть акторы стасиса. Партийные противоборства и есть стасис. Так было веками. На протяжении этих веков партийная политика, как и положено стасису, отнюдь не была жёстко отмежёвана от политического насилия, в том числе вооружённого и прямо смертоносного⁵⁶.

Прежде чем сделать следующий шаг, к рассуждению необходимо добавить ещё одну констатацию. Уже отмечалось, что в Древней Греции ареной стасиса могли оказываться не только взаимодействия внутри полисов, но и между ними. (Далее вместо термина «полис» лучше использовать термин «полития» – он шире, он вхо-

⁵³ Washington's Farewell Address to the People of the United States, 1796 // U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CDOC-106sdoc21/pdf/GPO-CDOC-106sdoc21.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

⁵⁴ Вновь неточный перевод. В оригинале – «*gouvernements libres*», буквально «свободные правления». Свобода и демократия – не синонимы.

⁵⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с франц. В.Т. Олейника. М.: Весь мир, 2000. С. 144–145.

⁵⁶ Трудно отказать себе в удовольствии процитировать слова Атоса из романа Александра Дюма «Двадцать лет спустя»: «Мне снова приходится начать скитальческую, полную опасностей жизнь участника политической партии. С завтрашнего дня я пускаюсь в рискованное предприятие и могу быть убит». Действие романа отнесено к 1648 г.; но Дюма-то написал это в 1854 году. И перо его не дрогнуло.

дит в современный политический язык и потому применим не только к античным реалиям.) Соответственно, и партии как акторы стасиса бывали как внутри-, так и межполитийными. Демократическая и аристократическая (со временем ставшая скорее олигархической) партии действовали во всей Элладе, обычно ассоциируясь с проафинской или проспартанской ориентациями. Такой же межполитийный характер носили и профиванская партия, и проперсидская с антиперсидской, и промакедонская с антимакедонской, и проримская с антиримской – внешний референт как носитель того или иного политического проекта вполне может стать основанием для партийных разделений. Весьма современно звучит рассказ Полибия: «В наше время... во всех народных государствах есть две партии, из которых одна учит, что необходимо подчиняться идущим от римлян указаниям и почитать превыше законов, договоров и всего подобного волю римлян. Другая партия выдвигает вперёд законы, клятвы, договоры и убеждает народ не нарушать их без крайней нужды»⁵⁷. Папская и императорская партии, получившие в Италии имена гвельфов и гибеллинов, действовали во всём пространстве Священной Римской империи. Затем, по мере консолидации в ходе процесса *«территориализации пространства, которая стала предварительным условием современной политики как таковой»*⁵⁸ современных государств, «почти исторически блюдушщих собственные пределы»⁵⁹, функционирование межполитийных партий до крайности затруднилось. А потом они вернулись – в виде многочисленных Интернационалов разного толка, Партии арабского социалистического возрождения (Баас) или транснациональных партий Европарламента. В большинстве случаев структурными элементами межполитийных партий становились не только настроенные тем или иным образом, объединённые теми или иными ценностями, продвигающие тот или иной проект вертикально интегрированные (от элит до массовых слоев) политические группировки, но и те по-

⁵⁷ Ἱστορίαι. XXIV, 8, 2–4.

⁵⁸ Balibar E. Europe as Borderland // Environment and Planning D: Society and Space. 2009. Vol. 27. No. 2. P. 192.

⁵⁹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 377.

литии, над которыми им удавалось приобрести власть и контроль. Подобные альянсы также оказывались в той или иной степени вертикально интегрированными, иерархически организованными, со своими ведущими и ведомыми.

Теперь яснее, к чему направляется рассуждение. Упомянутые выше «способы придания стасису ограниченного, управляемого и даже... направляемого к общему благу характера» вырабатывались именно, так сказать, на партийном материале. Они состояли в усмирении партийной розни и ограничении её губительных эффектов, в укрощении, секьюритизации и «цивилизации» партий. Причём делалось это не только внепартийными и надпартийными силами, но и самими же партиями – скорее всего, в целях самосохранения ценой отказа от наиболее крайних своих амбиций и методов их осуществления. «Война всех против всех» оказалась слишком рискованной почти для всех. В выигрыше оказывалось и политическое целое – потому что тем самым его части, акторы стасиса, действующие по метонимической формуле *pars pro toto* и стремящиеся к узурпации *pars* власти над *toto*, принуждались к обоюдному сдерживанию. Столкновение частных пороков становилось, таким образом, на службу общему благу.

Первые признаки того, что восприятие партий делается менее негативным, стали заметны уже в XIX веке. Тот же Вашингтон в том же документе вдруг делает оговорку: «существует мнение, что в свободных странах партии представляют собой полезный инструмент контроля за отправлением власти и способствуют сохранению духа свободы. В каком-то смысле это, возможно, верно... Но в правительствах народного толка, в избранных правительствах такого рода дух не следует поощрять. Можно с уверенностью утверждать, что в каждой партии, естественно, будет всегда достаточно такого духа; а в условиях наличия постоянной опасности проявления крайностей общественное мнение должно использовать своё влияние для того, чтобы смягчить и умерить его. Чтобы поддерживать огонь, необходима всеобщая бдительность для предотвращения того, что он разгорится в пламя, иначе огонь не согреет, а поглотит»⁶⁰. Тот

⁶⁰ Washington's Farewell Address to the People of the United States, 1796 // U.S. Government Publishing Office. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CDOC-106sdoc21/pdf/GPO-CDOC-106sdoc21.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

же Токвиль в той же «Демократии в Америке» допускает, что хотя бы «великие партии, потрясая общество, тем самым нередко его спасают»⁶¹. Гарольд Ласки в 1925 г., перечислив все обычные претензии к партиям и согласившись с ними, пишет: «И всё же, несмотря на весь критицизм в отношении партий, услуги, оказываемые ими демократическому государству, неоценимы. Они предотвращают проникновение народных причуд и прихотей в законодательство»⁶². Они суть главная наша защита от угрозы цезаризма»⁶³. Далее перечисление преимуществ партийности продолжается; но в высшей степени важно, что начинается оно с указания на второе измерение (или ипостась) партийного стасиса – его способность быть ресурсом и гарантией стабильности политического порядка, причём уже демократического. Эта его функция постепенно выходит из тени, и вскоре после Второй мировой войны Морис Дюверже окончательно фиксирует совершившуюся перемену: «свобода совпадает с режимом партий»; «только рост партий... открыл возможность реального и активного сотрудничества всего народа с политическими институтами»; «если бы демократия и в самом деле была несовместима с партиями, это, бесспорно, означало бы, что она несовместима с условиями нашей эпохи»⁶⁴. Затем убеждение в благотворности партий (и, что то же самое, партийного стасиса, только должным образом ограниченного) превратилось в общепринятый стандарт и отождествилось с политической свободой *per se* – до такой степени, что даже во многих странах социалистического лагеря завелась некая декоративная многопартийность, а требование многопартийности реальной стало одним из главных лозунгов освободительного движения в том же лагере (собственно, с ним и покончившего) на рубеже 1980–1990-х годов.

Важнейшим предохранителем от угрозы, порождаемой «мутной накипью партийной склоки» внутри той или иной политики (при том что с некоторого времени практически все они почти

⁶¹ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 145.

⁶² А оказывается, не способствуют ему, как считали прежде.

⁶³ Laski H. A Grammar of Politics. L., New Haven: Allen & Unwin, Yale University Press, 1925. P. 313.

⁶⁴ Дюверже М. Политические партии / Пер. с франц. Л.А. Зиминной. М.: Академический проект, 2000. С. 512–514.

в обязательном порядке приняли вид государств), вполне основательно принято считать возникновение партийной системы. То есть – консистентного набора относительно устойчивых, предсказуемых, однако преимущественно неформальных паттернов, определяющих отношения и сценарии взаимодействия партий между собой (в том числе партий, находящихся на периферии системы либо вовсе в неё не входящих), а также с государством, различными его институтами, неполитическими элитами, церквями, гражданскими структурами *etc.* Корпус посвящённых партийным системам исследований необозрим, и обозреть его здесь совершенно излишне. Важно отметить лишь два обстоятельства.

Во-первых, выявлено множество факторов, оказывающих влияние на формат той или иной партийной системы. Однако среди них нет ни одного решающего, и даже избирательный порядок (см. знаменитый «закон Дюверже»: «...мажоритарная система в один тур ведёт к двухпартийности. И наоборот: мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства приводят к многопартийности»⁶⁵) таковым не является, о чём со всей ясностью писал сам же Дюверже в той же главе «Политических партий» – отнюдь не возводя своё наблюдение в ранг непреложного «закона»⁶⁶. Отсюда следует крайняя затруднительность (скорее невозможность) конструирования партийных систем с заданными параметрами «на заказ» – конструкторы просто не располагают инструментами, гарантирующими получение того или иного желаемого результата⁶⁷. Даже использование очень схожих избирательных порядков порождает весьма разнородные эффекты, даже британская и американская двухпартийные системы функци-

⁶⁵ Там же. С. 300.

⁶⁶ См. также: Colomer J.M. *It's Parties that Choose Electoral Systems (or Duverger's Law Upside Down)* // *Political Studies*. 2005. Vol. 53. No. 1. P. 1–21; Benoit K. *Electoral Laws as Political Consequences: Explaining the Origins and Change of Electoral Institutions* // *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol. 10. No. 1. P. 363–390.

⁶⁷ Ср., например, провальные попытки создания в России двухпартийной системы волею верховной власти и средствами политического администрирования – по Борису Ельцину: «Мы двинемся двумя колоннами!» (1995 г.) и по Владиславу Суркову: «Нет у общества “второй ноги”, на которую можно переступить, когда затекла первая. В России нужна вторая крупная партия» (2006 г.). Забавно, что образ «второй ноги» присутствовал ещё в направленной Ельцину записке Сергея Шахрая, с которой начался проект 1995 года. См.: Батурич Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф. и др. *Эпоха Ельцина. Очерки политической истории*. М.: Вагриус, 2001. С. 536.

онируют по-разному (к тому же первую можно считать двухпартийной не без некоторых оговорок). Потому что в конечном счёте партийная система образуется (или так и не образуется) самими же партиями – в результате приводящей (или не приводящей) к относительному динамическому равновесию игры своеобразных сил. «Партии образуют “систему” только в том случае, если они суть части (во множественном числе); строго говоря, партийная система есть... результирующая межпартийного соревнования. Вид конкретной системы определяется взаимосвязью партий, тем, что каждая партия есть функция (в математическом смысле) других партий»⁶⁸. И равновесие это всегда колеблемо, временно или, по крайней мере, продолжительность его сохранения невозможно предсказать. Сеймур Липсет и Стейн Роккан констатировали состоявшееся в 1910–1920-х гг. «замораживание» большинства западных партийных систем, отметив, что даже те из них, которые подверглись во второй четверти века тяжёлым испытаниям, затем восстановились в виде, очень близком к исходному⁶⁹. Однако в 1985 г. Липсет допустил возможность «размораживания» и реформатирования даже этих систем под влиянием новых социальных сдвигов⁷⁰, что вскоре и воспоследовало – кроме как в США и, с оговорками, в Великобритании.

Во-вторых, именно поэтому все партийные системы уникальны. Единственная их внутренне связанная, внятно обоснованная, убедительная типология предельно примитивна, поскольку строится на одном и только одном критерии – количество партий, по каким угодно причинам оказавшихся включёнными в систему. Число акторов само по себе в некоторой (неполной) мере задаёт структуру взаимодействий внутри системы и поведение системы в целом. Как с велосипедами – их разновидностей множество, но навыки езды и прогнозируемое поведение в дорожном потоке принципиально различны только

⁶⁸ Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. Vol. I. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 44.

⁶⁹ Lipset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments*. In: S.M. Lipset, S. Rokkan (Eds.), *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. N.Y.: Free Press, 1967. P. 50.

⁷⁰ Lipset S.M. *Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology*. New Brunswick: Transaction Books, 1985. P. 115.

для велосипедов двух- и трёхколёсных (есть ещё вырожденный случай велосипедов одноколёсных, встречающихся, впрочем, только в цирке). Аналогичным образом выделяются системы однопартийные (тоже вырожденный случай), системы с доминирующей партией, или квазимногопартийные, двухпартийные, трёхпартийные, четырёхпартийные... и тут ряд заканчивается. «Никакая классификация уже невозможна там, где насчитывается свыше четырёх партий»⁷¹.

Теперь пора свести все поочерёдно вводившиеся выше импликации к одной, предпоследней. Если глобальный мир находится в состоянии глобальной гражданской войны, то есть стасиса; если различие войн внутренних и внешних утрачивает смысл, а стасис и полемос обмениваются своими чертами, и не только худшими; если акторы стасиса могут быть с полным основанием названы партиями; если как сам стасис, так и его акторы способны иметь межполитийный характер; если признаком перехода партийного стасиса в контролируемый, предсказуемый режим и превращения его в средство обеспечения политической стабильности является возникновение партийной системы, то... нельзя ли в порядке мысленного эксперимента применить сложившийся в науке язык описания партийности и партийных систем к глобальной политической динамике последнего столетия?

За отправную точку разумно принять *Interbellum* (1918–1939 гг.). Первая мировая война, она же Великая – ещё полемос как он есть. Яростный, необузданный, бесчеловечный (одни отравляющие газы чего стоят), срывающий тонкие покровы цивилизованности со всех его участников, – хотя все они защитниками цивилизации и тщились себя представить. Попытки исключить повторение пережитого *цивилизацией* кошмара (Лига Наций, пакт Бриана-Келлога) с треском провалились. Не в последнюю очередь потому, что всё это время осуществлялся выдвинутый Владимиром Лениным ещё осенью 1914 г. лозунг «превращения современной империалистской войны в гражданскую войну»⁷², причём войну интерна-

⁷¹ Дюверже М. Указ соч. С. 298.

⁷² Ленин В.И. Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 22.

циональную, которую «против буржуазии как “своей” страны, так и “чужих” стран»⁷³ поведут наконец-то соединившиеся пролетарии опять же всех стран. К одной лишь классовой борьбе дело не свелось, конstellляции конфликтующих сил, государственных и негосударственных, оказались намного сложнее. Но пламя «интернациональной гражданской войны», “*internationalen Bürgerkrieg*”, как выразился внимательно читавший Ленина Шмитт в 1938 г.⁷⁴, – Эрнст Нольте в 1997 г. назвал её «европейской гражданской»⁷⁵ – разгоралось неуклонно.

Вторая мировая война – тоже полемос, несомненно. Но в ней уже начинают проступать черты стасиса как войны своих против своих же. Братоубийственная война чудовищна, здесь нет и не может быть никаких смягчений; но происходить она, по определению, может только между братьями, знающими о собственном родстве и признающими его. А значит, происходит она особенным образом – в кружащем всех вихре беспощадности внимательному наблюдателю становятся видны области... чего-то иного.

Главное, что позволяет обнаружить во Второй мировой не только полемос, но и стасис, – появление в составе антигитлеровской коалиции Советского Союза, собственно, и внёсшего решающий вклад в победу союзников. Соответственно, в 1941 г. из публичного пространства «свободного мира» моментально исчезают весьма популярные до тех пор, глубоко укоренённые образы диких, кровавых *bolsheviks* (ранее – *cossacks*). Сам дискурс «цивилизация против варваров» практикует только приверженная расовой теории нацистская Германия (а также, в менее радикальных формах

⁷³ Там же. С. 17.

⁷⁴ Schmitt C. Die Wendung zum diskriminierenden Kriegsbegriff. Berlin: Duncker & Humblot, 1938. S. 42–58. (Я благодарен Александру Ф. Филиппову и Владимиру Башкову – они пояснили мне, о чём думал Шмитт в те годы. И о чём не думал, что ещё важнее). Впрочем, в том же 1938 г. Ойген Розеншток-Хюсси увидел больше, взглянул глубже и дальше, чем Шмитт, уместив очень многое в одной фразе, ставшей эпиграфом к этой статье (см.: Розеншток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002. С. 58). К сожалению, абсолютная неконвенциональность его способа мыслить и манеры изъясняться привела к тому, что этот незаурядный автор как остался незамеченным в своё время, так и остаётся игнорируемым до сих пор.

⁷⁵ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2003. 527 с.

и со своей спецификой, Италия и Япония), да и та применяет его к своим врагам с Востока (славянам, «азиатам» и т.п.), не с Запада. Со своей стороны, Уинстон Черчилль в знаменитой речи «Их звёздный час» (1940 г., сразу после дюнкеркской катастрофы) говорит о новых Тёмных веках, которые неизбежно наступят, если Британия падёт. Но описывает он их не как победу варварской архаики, наоборот: они окажутся ещё «более мрачными и, возможно, более долгими благодаря извращённой [нацистской] науке» – угроза исходит не извне, а изнутри цивилизации. Впрочем, сколько-нибудь массированного применения такого плода «извращённой науки», как химическое оружие, неожиданным образом не случилось, ни на полях сражений, ни против тыловых целей. В сопоставимой степени цивилизованные «братья» предпочли истреблять друг друга иными способами⁷⁶.

Первая серьёзная попытка переключить весь мир из режима ничем не умеренного полемоса в режим умеренного стасиса путём создания чего-то похожего на партийную систему – образование ООН. Точнее, Совета Безопасности ООН, закрытого картеля вето-игроков, по отношению к которому все прочие «объединённые нации» стоят ступенью ниже и которому субординированы⁷⁷. Его постепенное превращение ещё и в единственно легитимный «ядерный клуб» изначально не планировалось, но привилегированный статус пяти постоянных членов дополнительно закрепило. Трудно сказать, верили ли кто-нибудь летом 1945 г., что отношения внутри этого картеля будут равноправными и гармоничными, – разве что завзятые мечтатели. Так и не заработав сообразно прекраснодушному замыслу, он переродился в биполярную, т.е. двухпартийную систему – Советский Союз с одной стороны, Соединённые Штаты, Британия и Франция (а также, до 1971 г., Китайская республика) – с другой. Оба полюса окружили себя сателлитами (партийный эквивалент – «младшие

⁷⁶ Газовые камеры в «лагерях смерти», как и Холокост в целом, – отдельная история о борьбе с «абсолютным Чужим», но тоже по-своему, альтернативно цивилизованным, что и делает его, с нацистской точки зрения, смертельной опасностью для арийской расы, подлежащей только тотальной аннигиляции. Придуманная Филиппом Ленардом и Йоханнесом Штарком «еврейская физика» – полный функциональный аналог черчиллевской «извращённой науки».

⁷⁷ См. подробнее: Bosco D. Five to Rule Them All: The UN Security Council and the Making of the Modern World. Oxford: Oxford University Press, 2009. 310 p.

партнёры по коалиции», не имеющие права решающего голоса), оба соревновались в умножении их числа, перетягивая их из лагеря в лагерь. Количественный перевес одного из полюсов значения не имел – любое количество вето-игроков не сильнее одного, на то оно и вето. По той же причине передача места в Совете Безопасности от тайваньского правительства материковому Китаю мало что изменила; к тому же китайские коммунисты уже успели испортить отношения с советскими и заняли в биполярной системе позицию *tertius gaudens*, «третьего радующегося». Радоваться-то он, может, и радовался, но сколько-нибудь заметного влияния на ход глобальной (уже глобальной) «Большой Игры» не оказывал.

Тем не менее свою главную миссию ООН исполнять начала, и не без успехов; уже Корейская война (1950–1953) была самым настоящим стасисом, и не только во внутрикорейском измерении, но и по формату весьма ограниченной вовлечённости в неё США (под флагом той же ООН), СССР и КНР. Наиболее очевидное тому подтверждение – категорический отказ Гарри Трумэна удовлетворить настойчивые требования Дугласа Макартура о нанесении ядерных ударов (даже не по Северной Корее, а прямо по Китаю) и жёсткое увольнение легендарного полководца за инициативу, чреватую обратным сваливанием в полемос. И в дальнейшем всё происходило примерно так же. Иногда враждующие партии подходили к самому краю пропасти «взаимного гарантированного уничтожения», но так в неё и не сорвались, разделяя и признавая (то молчаливо, то открыто) общую ответственность за судьбу человеческой цивилизации. Иммануил Валлерстайн довольно сильно идеализировал ситуацию, заявив однажды, будто «“холодная война” была не игрой, которую следовало выиграть, а скорее менуэтом, который необходимо было протанцевать»⁷⁸. Нет, эта война походила не столько на танец, сколько на бокс – кровь-то лилась, и немало. Но на бокс в перчатках, подчинённый определённым правилам, не только писаным. Как и партийный стасис.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. биполярность закончилась. Двухпартийная система распалась по причине деградации и самоликвидации одной из партий. На некоторое время мир стал однопо-

⁷⁸ Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М.М. Гурвица. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 181.

лярным. Но это была не однопартийная система, а полупартийная, или квазимногопартийная, или система с доминантной партией, или с гегемонистской, или с «естественной партией власти» (*natural governing party*) – в исследованиях партийности существует много определений таких режимов, расходящихся в нюансах, но сходящихся в главном. Партий в подобной системе может быть сколько угодно. Они не являются безвольными марионетками, в отличие от некоммунистических партий, существовавших в некоторых социалистических странах (Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии) и существующих в современном Китае. Однако значение имеет только одна партия, выступающая ядром любых коалиций (в тех случаях, когда их образование вообще оказывается необходимым), определяющая политический курс и раз за разом подтверждающая своё лидерство. Какими и насколько благородными методами оно обеспечивается, другой вопрос. Обычно разными. В одном лишь XX веке такие системы десятилетиями функционировали в Австрии, Италии, Ирландии, Люксембурге, Финляндии, Швеции (самые известные примеры за пределами Европы – Индия, Мексика, Япония). Объём и качество политических свобод в перечисленных странах весьма различались, но ни одна из них не была полностью несвободной.

США, разумеется, с восторгом приняли свалившийся на них подарок судьбы, так хорошо согласовавшийся со старой, уже начавшей забываться идеей “*Manifest Destiny*”, «явного предназначения» Америки к мировому первенству, достигаемому путём распространения определённых ценностей и принципов политической организации⁷⁹. Будто возродился – век спустя – дух сенатора Альберта Бевериджа, в 1900 г. произнёсшего речь «В поддержку Американской империи» (“*In Support of American Empire*”), в которой сама Конституция интерпретировалась как прямой «призыв к росту, к экспансии, если угодно, к империи, не ограниченной географией, климатом и вообще ничем, кроме жизненных сил и возможностей американского народа»⁸⁰. То был именно подарок:

⁷⁹ См.: Merk F. *Manifest Destiny and Mission in American History: A Reinterpretation*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. 278 p.; Stephanson A. *Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right*. N.Y.: Hill and Wang, 1995. 160 p.

⁸⁰ Beveridge A. *In Support of an American Empire*. January 9, 1900. In: *Congressional Record* (56th Cong., 1st Session). Vol. 33. P. 708.

Советский Союз вместе со всем своим *лагерем* рухнул сам, под грузом внутренних дефицитов и напряжений, а не под воздействием внешних шоков⁸¹. Американский политический класс такого поворота не ожидал и не был к нему готов. Соединённые Штаты (и Запад в целом) просто заполняли, действуя спонтанно и ситуативно, освободившиеся места, причём под бурные аплодисменты огромного большинства обитателей этих мест, в том числе России. Предложенная Гейром Лундестадом применительно к периоду между 1946 и 1952 гг. формула «империя по приглашению»⁸² приобрела новую актуальность⁸³.

Безмятежное (хорошее слово, ёмкое) доминирование США продолжалось недолго. События 11 сентября 2001 г. и всё то, что за ними последовало в отношениях с глобальной исламской *уммой*, неуклонное восхождение Китая, движимое острым ресентиментом российское «вставание с колен», подъём антиамериканских настроений в Латинской Америке и Европе (чаще на левом, но иногда и на правом фланге), да ещё и быстро появившиеся у самих же американцев сомнения в соответствии национальным интересам единоличного принятия на себя столь тяжкого бремени⁸⁴... эти и другие вызовы пока не сокрушили американскую гегемонию (может, и не сокрушат), но, не получая адекватных ответов, накапливаются и подрывают её всё больше. Глобальная квазимногопартийность в кризисе.

Чаще всего её противники пишут на своих знамёнах слово «многополярность». Не исключено, что некоторые из них на самом деле подразумевают возвращение к старым добрым биполярным временам (в той же или иной конфигурации), но заявлять об этом прямо себе не позволяют – чтобы не растерять союзников. Логика элементарна и привлекательна: раз не однопартийность (различия

⁸¹ Так, кстати, бывает и с доминантными партиями. Итальянская христианско-демократическая партия, полвека не имевшая конкурентов на политической сцене, в конце концов сгнила изнутри и в 1994 г. самораспустилась.

⁸² Lundestad G. Empire by Invitation? The United States and Western Europe, 1945–1952 // Journal of Peace Research. 1986. Vol. 23. No. 3. P. 263–277.

⁸³ Lundestad G. The United States and Western Europe since 1945. From Empire by Invitation to Transatlantic Drift. Oxford: Oxford University Press, 2003. 344 p.

⁸⁴ Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2002. 240 p.

между однопартийными и квазимногопартийными системами адепты многополярности не проводят), тогда многопартийность. Точно так же, как уже упоминалось, многопартийность была основным лозунгом освободительного движения конца 1980-х – начала 1990-х годов. *Какая* многопартийность, тогда важным не казалось. Любая. Так и хочется сказать, перефразируя Владимира Соловьёва (не журналиста, а поэта и философа): «Полицентризм! Хоть слово дико, / Но мне ласкает слух оно, / Как бы предвестием великой / Судьбины божией полно».

Однако лозунг – ещё не программа. Сколько именно предполагается центров/полюсов в новом мироустройстве? Если больше четырёх, как тогда быть с предупреждением Дюверже о невозможности в таком случае какой-либо классификации, то есть о непредсказуемости предстоящих взаимодействий внутри настолько фрагментированной системы и их последствий? Да и можно ли будет назвать чаемое состояние системой? Какие именно силы (государства, альянсы) станут центрами/полюсами, какими будут критерии их отбора и признания? Откуда следует, что их отношения непременно окажутся взаимно уважительными? С какой стати и каким образом смягчатся, не говоря уж разрешатся, многочисленные нынешние конфликты между такими очевидными, неременными кандидатами в центры/полюса, как та же Америка, Европа, полный отрыв которой от США более чем сомнителен, Россия, Китай, Индия, Япония, исламская умма (сама по себе полицентричная, раздираемая противоречиями и не имеющая шансов на полную консолидацию)? Не превратится ли многополярный мир в арену войны если не всех против всех, то многих против многих? Глобальной войны, которая, подобно нынешнему противоборству Израиля и ХАМАС, будет вестись опять не как стасис, а как полемос – на уничтожение, с тем же расчеловечиванием врага и с тем же её представлением, по меньшей мере одной из сторон, как битвы цивилизации с варварами? Можно ли институционализировать многополярную конструкцию, закрепить её хоть каким-то правовым, обязывающим способом? Почему такая институционализация окажется более эффективной, чем первоначальный идеалистический замысел ООН и её Совета Безопасности? И куда, кстати, денется ООН, реформируемая лишь теоретически и только в частностях, но не принципиально – до тех

пор, пока постоянные члены Совета Безопасности обладают правом вето, а отказываться от него дураков нет и не предвидится? Главная загадка даже не в том, какими окажутся ответы на эти вопросы, а в том, кто способен их дать.

Если вся предыдущая цепочка импликаций имеет право на существование, *то* полезно было бы вспомнить ещё об одной особенности по крайней мере некоторых известных партийных систем. Бывает так, что стабильность системы и предсказуемость происходящего в её рамках достигаются даже за пределами «порога Дюверже» – за счёт фиксации качественно неравного статуса отдельных партий, его непропорциональности их количественному весу. Такие системы могут быть названы *изолирующими*. Стабильность и предсказуемость обеспечиваются в них методом «все на одного» – подавляющее большинство акторов, и крупных, и мелких, делает всё, чтобы не допустить одного из них к процессу принятия решений, во всяком случае затрагивающих всю политику. Так поступали в своё время с коммунистическими партиями Италии и Франции, которые набирали «от одной четвёртой до одной трети всех голосов на выборах. Однако в течение прошедших 25 лет их коалиционный потенциал практически равнялся нулю»⁸⁵. Так поступают уже давно и до сих пор в ФРГ с «Альтернативой для Германии» и «Левой», во Франции – с «Национальным фронтом»⁸⁶. Как это делается, отлично видно по знаменитым выборам президента Франции 2002 г., когда во втором туре сошлись Жак Ширак и Жан-Мари Ле Пен. Ширак получил 82 процента голосов против 20 процентов в первом туре, Ле Пен – 18 процентов против 17 процентов, причём в межтуровой агитации за Ширака использовались такие выразительные призывы, как «Голосуйте в перчатках» и «Голосуйте за мошенника, не за фашиста». Показательными выдались и выборы 2017 г.: Ле Пен (уже Марин) – 34 процента во втором туре против 21 процента в первом, Эмманюэль Макрон – 66 процентов против 24 процентов. Буквально в прямом эфире тот же сценарий можно наблюдать, следя за попытками лидера нидерландской «Партии за свободу» Герта Вилдерса, опередившей все

⁸⁵ Sartori G. Op. cit. P. 123.

⁸⁶ С 2018 г. – «Национальное объединение». Каковое переименование, впрочем, никого не обмануло и не особенно прижилось.

прочие партии на парламентских выборах 2023 г., сформировать дееспособное правительство.

Тут есть несколько весьма поучительных аспектов. **Во-первых**, стратегия (или инстинкт) изоляции успешна при двух условиях: а) претензии к изолируемому актору имеют не только политическую *stricto sensu*, но и метаполитическую, моральную природу; б) изолируемый актер должен быть достаточно велик (ещё одно хорошее, ёмкое слово), чтобы его изоляция оказала на остальных участников политического процесса сплавивающий эффект требуемой мощности, перевешивающий их собственные разногласия, но достаточно невелик, чтобы процесс без его участия мог бы в целом идти своим чередом.

Во-вторых, изоляция отличается и от официального запрета, под который подпадают экстремистские, прежде всего неонацистские партии, и от новомодной отмены⁸⁷. Изолируемый актер отнюдь не поражается в правах, не окружается стеной молчания, игнорирования и невидимости. Он обладает и пользуется теми же или почти теми же легальными и легитимными возможностями для выражения и продвижения своей позиции, что и другие; его вполне замечают, информируют общественность о его заявлениях и действиях, полемизируют (*sic!*) с ним. Просто с ним, выражаясь по-детски, не хотят дружить, не принимают в компанию. Он может получать некоторую долю власти и влияния на местном, муниципальном или региональном, уровне. Его руки совершенно развязаны для критики совершаемых ошибок и разоблачения творящихся несправедливостей (не только по отношению к нему самому), в чём есть свои удобства – риск, что ответственность за положение страны когда-нибудь придётся принять на себя, минимален. Но в настоящую, высшую власть такого актора не берут – и точка.

В-третьих, обычная реакция изолируемого актора – опять же напоминающая детскую раздражённая обида. «За что? Как вы смеете? Таковую партию, как наша, не просто организацию, но значимую, многочисленную часть общества⁸⁸ нельзя изолировать!» Напрашивающаяся ответная реплика «Почему, собственно, нельзя?»

⁸⁷ См. о ней: Каспэ С.И. Не по Шмитту: политическая теология современных войн // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. No. 5. С. 96–107.

⁸⁸ Что совершенно верно.

Вот же, всё получается, хотим и изолируем» повисает в воздухе – потому что нечем закрыть.

В-четвёртых, прецеденты выхода в *неповреждённом виде* изолированного актора из этого положения – ни в результате добровольного снятия бойкота другими акторами, ни в результате преодоления блокады им самим, своими силами, – отсутствуют. Возможно, пока; всё возможно; следим за Нидерландами. Но в данный момент их нет.

Эта любопытная стратегия уже тестировалась в глобальном масштабе. Первым кандидатом на роль того одного, против которого объединяются все или почти все остальные (не прекращая находиться в стасисе, но тем самым делая его умеренным, ограниченным, регулируемым), стал в начале 2000-х гг. «международный терроризм». Кое-что удалось – под эгидой США возникла грандиозная антитеррористическая коалиция, в неё по собственной инициативе, и не проформы ради, не с пустыми руками вошла даже Россия, режим талибов был снесён почти мгновенно, отношения России с Западом заметно улучшились. Россия извлекла тогда из ситуации и другую пользу, сумев доказать факт широкого присутствия международных террористов, в том числе самой «Аль-Каиды»⁸⁹, в мятежной Республике Ичкерия и резко снизив таким образом градус осуждения второй чеченской кампании. Но довольно скоро стало понятно, что в долгосрочной перспективе решение не работает. Потому что в XXI веке, в отличие от 1960–1970-х гг., «международный терроризм» на 99 процентов представляет собой, прямо говоря, терроризм исламский. Отделить исламских радикалов от глобальной уммы оказалось невозможно, повторить опыт сплачивания не получилось ни через «Исламское государство»⁹⁰, ни через ХАМАС (и даже талибы⁹¹ по той же причине вернулись к власти в Афганистане). А умма в целом слишком велика, чтобы стать объектом изоляции.

Многих, особенно в Америке, обрадовала бы изоляция Китая. Но она заведомо неосуществима – Китай опять-таки слишком

⁸⁹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ.

⁹⁰ Террористическая организация, деятельность которой запрещена в РФ.

⁹¹ Движение «Талибан» находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

велик, его экономика слишком интегрирована с большинством других экономик мира, он использует слишком изощённую и потому эффективную стратегию налаживания отношений с другими акторами, не предполагающую, в частности, выдвижения каких-либо политических или гуманитарных условий.

В последнее время роль и функция объекта изоляции всё активнее примеряются к России. Оба условия успешности стратегии – моральная окрашенность претензий и достаточная, но не чрезмерная величина – в её случае выполняются. Голоса, предостерегающие от какого-либо доверия к «этим русским» и от ведения с ними *“business as usual”*, раздавались давно. Действия России на Украине и её категорический, эксплицитный отказ принимать «миропорядок, основанный на правилах» (что представляет собой просто-напросто другое наименование для ограниченного, контролируемого стасиса) мощно стимулировали процесс, придав ему лавинообразный характер. Дело усугубляется тем, что со многих сторон звучат призывы перестать рассматривать российско-украинский вооружённый конфликт как стасис, как «спор славян между собою» и превратить его в подлинный, бескомпромиссный полемос, как по методам ведения боевых действий, так и по их целям, да ещё и непосредственно вовлечь туда же страны Запада, сейчас вовлечённые опосредованно. Высказываются в этом духе преимущественно маргиналы. С той же оговоркой – пока.

Тем временем изоляция России продвигается – медленно, но неуклонно. Каналы обхода санкций перекрываются один за другим. Обходиться без российских рынков и ресурсов большинство западных экономик научилось или продолжает учиться. Сплачивающий эффект налицо: ещё недавно немыслимый отказ Финляндии от нейтралитета и её вступление в НАТО состоялись, на подходе Швеция (и та задержалась лишь по недоразумению), не менее немыслимый дрейф в сторону от России Армении и даже (хотя и гораздо более осторожный) Казахстана происходит на глазах. Да, многие акторы (как страновые, так и субнационального уровня), в том числе отдельные члены НАТО и Европейского союза, занимают по отношению к тренду на изоляцию России фрондирующую позицию; но делают они это крайне осторожно и не скрывают, что преследуют исключительно собственные интересы,

выторговывая для себя более выгодные условия присоединения к мейнстриму или – китайский вариант – надеясь сформировать собственный. Конечно, ядерный потенциал и постоянное членство в Совете Безопасности ООН делают полную, глухую изоляцию России неосуществимой; но только они. Основных своих целей изолирующая стратегия достигает и так. Она настолько удобна и эффективна, что нет никаких оснований рассчитывать на отказ от неё даже в случае вполне вероятного в ближайшем будущем перехода российско-украинского вооружённого конфликта – каким бы то ни было образом – в менее горячую фазу. Зачем ломать то, что совсем недавно наладилось и неплохо работает? Логически возможны только два сценария, предполагающие такой отказ. **Первый** – появление нового кандидата на роль изолируемого объекта, причём такого, что для его изоляции потребуются реабилитировать и привлечь самоё Россию. Что это может быть за актер, какой силы шок и какими средствами он должен произвести, *a priori* вообразить нельзя. И страшновато. **Второй** – изобретение нового метода сплавивания фрагментированной глобальной системы, превосходящего стратегию изоляции по балансу выгод и издержек. Гадать опять-таки *a priori* бесполезно.

Глобальный стасис может прекратиться только кардинальной переменой человеческой природы или полной деглобализацией мира. Первое невероятно, по крайней мере в пределах рационального сознания. Второе гипотетически возможно, но без той же перемены человеческой природы гарантирует возвращение в полемос. Почти ничего утешительного тем в России или за её пределами, кому не нравится изоляция и кто всё же не хочет попробовать, каков настоящий полемос на вкус, прямо сейчас сказать нечего. Кроме разве что одного: ничто не навсегда, и даже то, что будто бы навсегда, однажды кончается. В фильме Джеймса Кэмерона «Терминатор 2» рефреном звучит фраза: «Будущее не предопределено». Я пытался завершить это рассуждение как-нибудь иначе. Не получилось.